

УДК 821.512.31

doi: 10.18101/1994-0866-2016-5-29-36

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О БУРЯТИИ

(«Однажды в Бурятии» А. Эрдынеева, «Легенда о шамане»

Г. Аюрзаны)

© *Данчинова Мария Даниловна*

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Бурятский государственный университет

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: marinadan67@mail.ru

В статье рассматривается своеобразие художественного пространства в повести бурятского прозаика Александра Эрдынеева «Однажды в Бурятии» (2013) и романа монгольского писателя Гуна Аюрзаны «Легенда о шамане» (2015). Видение мира в этих произведениях раскрывается через природу шаманизма, через осознание человеческой жизни как неотъемлемой части трансцендентного мира. С позиции писателей, человек обязан бережно, сокровенно относиться к окружающей природе, должен во всех своих отношениях с обществом, людьми придерживаться этических норм, заложенных каждым народом в глубинах религиозно-культурных пластов. Произведения обоих авторов носят эсхатологический характер, так как предостерегают людей от бездуховного, потребительского отношения к миру природы, которое приводит к нарушению духовного баланса в обществе. Говоря о серьезных последствиях нравственного падения людей в обществе, эгоистическом отношении человека ко всему живому, писатели ощущают потребность незамедлительного вмешательства в восстановление гармоничного баланса, достичь которого возможно лишь при обязательном обретении человеком внутреннего единства с миром.

Ключевые слова: художественная картина мира, герой, пространство, шаманизм, анимистичность, духовный политеизм, квинтэссенция, эсхатология.

В творчестве бурятских писателей превалирует модель гармоничного восприятия природного мира, несмотря на драматизм в судьбе народа и отдельного человека. Подобная картина мира сформировалась в глубинах генетического, культурного понимания этносом пространственно-временного континуума. Данное представление о мире как особая модель не трансформируется и не модифицируется в народном сознании в результате основ буддизма, а также шаманизма, где сохраняется принцип духовного единения человека с природой. В этом плане пространство, как и категория времени, является универсальным, фундаментальным понятием. В художественном видении именно пространство моделирует образ мира. С точки зрения А. Осипова, «перцептуальные и концептуальные моменты органично сплавлены с ценностными идейно-эмоциональными моментами» [5, с. 10]. Примерами подобного отображения мира — гармоничного единения человека с природой, отраженного в буддийской и шаманистской картине мира, нахо-

дим в романах В. Арсеньева «Дерсу Узала», Н. Шундика «Белый шаман», произведениях Ю. Рытхэу, других писателей XX в., где целостность художественной природы, ее полнота исходят из глубокой веры в одухотворенность пространства.

В начале же XXI в. в произведениях современных писателей на первый план проступает тревога, даже трагическое предощущение распада некогда единого гармоничного пространства, в котором человек и природа не вступали в оппозицию по отношению друг к другу. Так, в повести бурятского прозаика А. Эрдынеева «Однажды в Бурятии» (2014) и романе монгольского писателя Г. Аюрзаны «Легенда о шамане» (2015) картина мира предстает в стремлении остановить начавшийся распад цельности некогда одухотворенного пространства. Писателей объединяет выражение единой художественной мысли — остановить процесс такого распада. В сюжетных линиях данных произведений идея восстановления гармоничного равновесия в едином пространстве прослеживается в образах героев, на которых выпадает данная миссия.

В сюжете романа Г. Аюрзаны «Легенда о шамане» эта роль отводится беспечному молодому человеку Тэнгису, который из-за легкого любопытства постичь таинство шаманизма прибыл на Заячий остров (остров Ольхон) из Монголии. Очень скоро обыкновенное любопытство Тэнгиса перерастает в душевное страдание, растущее как неутрачиваемая боль. Герой мучается от невозможности сразу постичь именно шаманистское видение пространства, в котором предстает в абсолютной цельности весь мир безотносительно к категории времени. Прибыв на остров Ольхон всего на несколько дней, герой остается здесь надолго. Его заинтересовала не столько таинственная практика природного верования, как в большей степени трагическая судьба и собственно личность Хагдая, главного шамана острова. Наблюдая за его действиями вначале из простого любопытства, Тэнгис затем неожиданно для себя начинает испытывать внутренний зов к постижению тайн шаманизма, осознав, что это его состояние связано с возможностями человека энергетически влиять на дискретность пространства. В мучительном процессе обретения подвижнического жизненного пути шамана герой понимает невозможность человека отказаться, уйти с этого трудного пути, намеченного какими-то природными силами.

Подобное происходит и с главным героем повести А. Эрдынеева «Однажды в Бурятии», где единственная четко выдержанная сюжетная линия связана с событиями в жизни обычного городского человека Мунко, который неожиданно для себя открывает тайну своего рождения. Герой оказывается сыном могущественного духа своей малой родины — тоонто Бамуугомбожава Баабая. Более того, Мунко узнает, что как его сын он обязан восстановить утраченную людьми квинтэссенцию чистоты, гармонии в жизни общества.

Художественное пространство произведений обоих писателей пронизано глубоким познанием шаманского политеизма. В то же время наряду с образами могущественного духа Ольхона в романе Г. Аюрзаны и хозяина

малой родины в повести А. Эрдынеева представлен более широкий духовный пласт. Так, Тэнгису объясняют, что остров Ольхон мрачен и суров только с виду. Для многочисленных туристов с их любопытными взорами остров остается закрытым, недоступным обычному пониманию. Для избранных, особенно тех, кто открывает в священной скале таинственную дверь, она оказывается обителью «онгонов и духов, которые общаются с небом, солнцем и луной» [1, № 4, с. 6]. Вслед за таким познанием, присутствующим только шаманам, герой приходит к осмыслению и принятию общемирового духовного пространства.

В художественной ткани повести А. Эрдынеева духовный покровитель главного героя Бамуугомбожав Баабай для восстановления нарушенной дисгармонии во всем природном мире обращается за помощью, советами и поддержкой к языческим славянским богам Перуну и Яриле. Современному читателю подобное введение образов в художественную ткань произведения бурятского писателя может показаться вымыслом или фантастическим преувеличением ради красочности сюжета. Однако писатель преследует вполне конкретную художественную цель — донести до сознания современного человека понятие о целостности одного пространства — земного, в котором все существа, включая человека, представляют неразрывное единство и не могут существовать отдельно.

Авторская мысль писателей о единстве основ шаманизма с другими верованиями не является в данном случае только плодом художественного воображения. На сходство с шаманизмом других религиозных форм народов мира указывают многие исследователи. Так, Б. Э. Петри выдвигал гипотезу об определенном центре, «где шаманство развилось из своего рода первообраза в сложную религию и оттуда распространилась по всей территории, которую оно занимало до столкновения с христианством, буддизмом и исламом» [6, с. 73].

Герою монгольского писателя весь таинственный божественный мир предстает «неотделимым от мира земного, и он охвачен непреодолимым желанием посмотреть этот невидимый мир теней» [1, № 4, с. 11]. Для этого Тэнгису нужно освободить свое сознание от обыденного восприятия мира, поверить в реальность чудесного и таинственного, идущего из шаманской практики Хагдая. Поэтому в отношениях героя с различными духами острова нет признаков хаотичного обращения, все строго регламентировано обрядово-ритуальными действиями и определенной иерархией.

Герой А. Эрдынеева все больше укрепляется в признании истинности первородного верования, справедливо полагая, что поклонение «великим божествам — исконным хозяевам и покровителям океанов, морей, гор и прочих творений природы необходимо: "Только это древнейшее верование может сплотить разрозненное ныне человечество и привести его к всеобщему спасению"» [7, с. 589]. Поэтому главный герой повести А. Эрдынеева не случайно взаимодействует с различными духами, как бурятскими, так и древнегреческими, монгольскими, скандинавскими, африканскими. Для восточного миропонимания такое видение человека выражается в шаманском

политеизме. С позиции исследователя, подобное верование позволяло гармонично регулировать многочисленные взаимоотношения человека с различными силами природы. Это своего рода закон условного «договора» в шаманизме [4, с. 9].

Художественная регулятивность именно таких отношений представлена писателями разными художественными средствами. Гунн Аюрзана прибегает к пафосу трагичности, драматичности, тогда как А. Эрдынеев использует прием ироничности. Подобная нить повествования необходима писателям в разрешении одной из художественных задач — заставить современного читателя, зачастую не верящего в обратимость хороших или плохих деяний, осознать причинно-следственную связь происходящих в жизни тех или иных происшествий, изменений. При этом авторы проводят мысль об актуальной проблеме нашего времени — способности человека по-новому выстраивать свои взаимоотношения со всеми живыми существами в бесконечности природного пространства. В выражении данной идеи оба писателя прибегают к сопоставлению реального мира с гранью ирреальности. Однако это не план двоимирия, просто квинтэссенция единого пространства сменяется другой наполняемостью, не нарушая заданных самой природой границ. Авторы обращают внимание на сменяемость одной квинтэссенции другой внутри одного неделимого пространства благодаря видению героя.

Так, герой Г. Аюрзаны, постигая премудрость гармоничных регулятивных отношений с миром, вскоре постигает, что «онгоны летают свободно по всему миру, и те люди, которые умеют с ними связываться, легко узнают все тайны, получая информацию из параллельных миров» [1, № 4, с. 25]. А герой А. Эрдынеева Мунко однажды с ужасом обнаруживает в окружающем мире множество людей, которые внутренне были черны. «Он знал, что такого не может быть, но тем не менее он явственно видел это! Ему стало так страшно, что, бросив все дела, которые были у него спланированы на день, он заторопился на остановку, чтобы быстрее оказаться дома. На ней было много людей (души которых, естественно, были черны!), и он решил взять такси. Сев рядом с водителем, он даже не стал смотреть в его сторону, потому что сразу определил, что подручные Аймшагтая давно добрались до этого парня...» [7, с. 593]. Слова «темный», «черный» являются тем квинтэссирующим началом, который ведет к взаимозаменяемости.

С позиции авторов, современное поведение многих людей ведет не к разрыву обыкновённых взаимоотношений — в дружбе, любви, профессиональных делах, а непосредственно к нарушению гармоничного баланса в едином пространстве, где все живые и неживые существа включены в один круговорот. Для осознания такой картины мира героям приходится сталкиваться со множеством людей, которые давно потеряли присущее каждому человеку чувство меры. Они видят, что люди вокруг ради личной выгоды готовы подвергнуть риску не только свою жизнь, но и с легкостью ломают судьбы других.

Писатели подводят читателя к осознанию тех этических основ, которые раньше у народа исходили из закона «сээр» или «сээртэй» («грех»). Данный закон регулировал, организовывал обычные и сакральные отношения людей со всем миром. В значении этого слова заложено, с точки зрения исследователя, «глубокое понятийное содержание, выражающее нормы поведения человека в течение всей его жизни» [3, с. 135].

Целостность единого пространства не случайно рождается в мотиве возвращения героя к генетически локальному пространству. У Г. Аюрзаны таким локусом оказывается остров Ольхон. В повести бурятского писателя это тоонто (малая родина, родовое место) главного героя. Так, писатели философски включают жизнь отдельного человека как малой частицы в единство цельного гармоничного пространства. Более того, в художественном представлении писателей такое пространство, куда попадает герой, возвращает человека к своим утраченным некогда родовым истокам, это момент рождения нового человека. С точки зрения К. Г. Юнга, подобное погружение человека к родным истокам оказывается открытием ядра, в котором «абсолютное и релятивное совпадают», образуя «центр бытия». Данный центр бытия состоит из архаики как основы и истока как отправной точки. Человек, обращаясь к мифологическим истокам, погружается в себя, открывает и организывает и себя, и свое бытие [8, с. 20–21].

Мог ли подумать герой Аюрзаны, что, попав на остров Ольхон, он останется там на долгих шесть с половиной лет? И это будут годы обретения им своего заплутавшегося в дебрях современности родного духа: «Для него будто не существует ничего, кроме Заячьего острова, мира, который стал отражением какой-то стороны теней... Он словно бы пришел в этот мир, чтобы не жить, как другие... Словно должен был родиться сто или тысячу лет назад» [1, № 5, с. 32].

А. Эрдынеев для раскрытия значимости художественного предназначения героя вводит в повествование миф о непорочном зачатии. Писатель не отсылает напрямую к христианским мотивам, а использует мифологический сюжет непорочного рождения героев-титанов, которые были посланы на землю волей небесных божеств для спасения рода человеческого. Мунко, с детства что-то слышавший про свою тайну рождения, вскоре в состоянии не то сна, не то дремоты по-настоящему видит свое рождение. Он чувствует, что находится в очень естественном и прочном для него замкнутом пространстве, слышит «убаюкивающие звуки сердцебиения», наслаждается «подлинным счастьем, которое всецело ощущал, находясь там» и с ужасом ощущает, что «покидает этот чудесный и восхитительный мир навсегда» [7, с. 549].

Мотив перерождения был необходим писателям для окончательного осознания героями своей миссии в реальной жизни. Процесс перерождения героев связан прежде всего с их духовным очищением. Без подобного процесса они не имели бы возможности заглянуть за грань реального. С момента перерождения они открывают все грани бесконечного пространства —

физический, ментальный, энергетический, духовный, которые ведут к пониманию единства, цельности мира.

Мысль о духовном перерождении, возвращении человека к своим родовым, генетическим корням авторы подчеркивают по-разному. Г. Аюрзана расширяет сюжетную линию вставными рассказами — многочисленными легендами о шаманском призвании, притчами о чудесном сохранении и продолжении человеческого рода, эсхатологическими видениями отправителей культа. Так, монгольский писатель вводит легенду о брате и сестре, которые в лунную ночь были отправлены родителями за водой и в отражении реки увидели нападение врагов на родной улус. Дети поспешили сообщить об этом родителям, но те не поверили детским сказкам и снова отправили их за водой. Ночью в зеркальном багровом отображении воды брат с сестрой увидели картину настоящей гибели родного улуса. В данной легенде привлекает внимание мысль о единстве пространства — земного и небесного миров. Предупреждение о гибели улуса маленьким героям приходит с небес — в отражении лунного сияния в воде. Здесь вертикальный и горизонтальный планы единого пространства пересекаются в водной глади, представляя мир в его единстве. Более того, в образе брата, ставшего впоследствии первым охотником на земле и нашедшего однажды на Луне место для добычи лесной дичи, передается понятие именно цельности и полноты единого космического пространства. Данная мысль подчеркивается сюжетными эпизодами в легенде, когда вслед за сыном на Луну поднимается его мать, чтобы вернуть сына на землю. Так люди открывают путь к небесному ночному светилу, который становится обычным для всех. Легенды необходимы в сюжетной линии романа для духовной учебы, постижения главным героем премудростей шаманской веры.

В повести бурятского писателя единый сюжет наполняется различными эпизодами, когда в нить повествования включаются новые герои. С помощью их раскрывается именно шаманское восприятие мира. Таким образом в повесть вводится герой Гюнтер Штольц, немец, который оказывается сыном буряты. Художник здесь использует мотив родового зова. Немец не может понять, почему ему снятся картины неизвестной земли, где царствует «холодная сибирская зима». Ему грезятся какие-то иностранцы-азиаты, лица которых он никогда не видел, но чувствует к ним какую-то особую привязанность. Герой находится на грани психологического срыва от того, что стал «испытывать непонятную и неосознанную тоску, манящий зов, исходящий из той неведомой деревеньки» [7, с. 575]. Писатель усложняет данный мотив введением художественной детали — рука Гюнтера Штольца, держащая пиалу: «Мунко с удивлением обратил внимание на то, что посетитель держит пиалу как заправский степняк, обхватив ее всеми пятью пальцами — так, чтобы она утопала в ладони» [7, с. 577]. Детали выполняют роль связующего звена, такая, например, как фотография отца-буряты из далекой деревеньки, без них не может быть цельности единого пространства — реального и ирреального. Авторы показывают, что люди в определенные этапы жизни могут выйти на иной уровень осмысления мира — не в

физическом его восприятии, а духовном, энергетическом. Тогда оказывается возможным вступление человека в сферы новых духовных линий.

Оба писателя вводят в нить повествования сюжет добровольного ухода героя из социума. Замыканием героя в локальное пространство писатели завершают процесс полного духовного перерождения своих героев. В такой локальности подразумевается внутреннее очищение героев от всякой скверны, освобождение от бремени грехов, окончательное возвращение человека к собственным — родовым истокам. Именно на этот процесс обращает внимание ученый: «Представление о мире, галактике и принципах существования солнечной системы, о многомерности пространства и местонахождения этноса в этом пространстве является исходной точкой формирования его традиционной культуры, играющей большую роль наряду с социальным фактором в адаптации представителя этноса в природной среде» [2, с. 11]. С точки зрения монгольского и бурятского писателей, человек, оказавшись в локальности природного пространства Бурятии, сможет преодолеть дисгармонию в социальном мире, отрыв от мира универсальных связей и от этого станет мудрее и сильнее, достигнет гармонии в собственном внутреннем пространстве.

Литература

1. Аюрзана Г. Легенда о шамане // Байкал. 2015. № 4. С. 3–41; № 5. С. 4–31; № 6. С. 6–44.
2. Базаров Б. Д. Таинства и практика шаманизма. Кн. 3: Человек во времени и пространстве. Улан-Удэ, 2009. 209 с.
3. Егудурова В. М. Шаманская лексика как отражение национальных представлений бурят о законах бытия // Евразийский фронт: литература и религия в диалоге культур. Улан-Удэ, 2014. С. 134–137.
4. Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск, 1980. 320 с.
5. Осипов А. И. Пространство и время как категории мировоззрения и регуляторы практической деятельности. Минск, 1989. 220 с.
6. Петри Б. Э. Вселенная сибирского шамана. История. Легенды. Обряды. — Иркутск, 2014. 328 с.
7. Эрдынеев А. Однажды в Бурятии // Таежная, озерная, степная: произведения бурятских ученых и писателей: в 15 т. Улан-Удэ, 2012. Т. 10. С. 523–616.
8. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов: пер. с англ. Киев, 1997. 384 с.

SPATIAL ORGANIZATION OF MODERN WORKS ABOUT BURYATIA (A. Erdyneev’s “Once Upon a Time in Buryatia”, G. Ayurzana’s “Legend about a Shaman”)

Mariya D. Danchinova

PhD in Philology, A/Professor, Department of Russian and Foreign Literature,
Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

The article analyzes the peculiarities of spatial organization in Alexandr Erdyneev's novella "Once in Buryatia" (2013) and the novel "Legend about a shaman" (2015) by Mongolian writer Guna Ayurzana. In these works worldview is revealed through shamanistic understanding of human life as an integral part of the transcendental world. Expressing the national vision, the writers go through the basics of shamanism to the edge of universal bases in the perception of the world. From the authors' standpoints, a person must respect nature, society, and people around him (especially family). Besides, a person must adhere to the spiritual ethical norms laid down in the depths of the culture. G. Ayurzana and A. Erdyneev want to warn people against soulless, consumer attitude to the whole natural world. The image of broken spiritual balance both in society and in nature is represented as eschatological. The studied works appeal to think about some results of people's degradation in society, their selfish attitude to the entire natural world. The authors declare, that the whole living world needs for renewal of the harmonic balance, which is possible to achieve if a person realizes his unity with nature.

Keywords: artistic picture of the world, character, spatial organization, shamanism, animistic, spiritual polytheism, quintessence, eschatology.

References

1. Ayurzana G. Legenda o shamane [Legend about a Shaman]. *Baikal*. 2015. No. 4. Pp. 3–41; No. 5. Pp. 4–31; No. 6. Pp. 6–44.
2. Bazarov B. D. *Tainstva i praktika shamanizma. Kniga 3. Chelovek vo vremeni i prostranstve* [Sacraments and Practice of Shamanism. Bk 3. The Human in Time and Space]. Ulan-Ude, 2009. 209 p.
3. Egodurova V. M. Shamanskaya leksika kak otrazhenie natsional'nykh predstavlenii buryat o zakonakh bytiya [Shamanic Vocabulary as a Reflection of Buryats' National Representations of Being Laws]. *Evrasiiskii frontir: literatura i religiya v dialoge kul'tur — Eurasian Frontier: Literature and Religion in the dialogue of cultures*. Ulan-Ude, 2014. Pp. 134–137.
4. Mikhailov T. M. *Iz istorii buryatskogo shamanizma (s drevneishikh vremen po XVIII v.)*. From the History of Buryat Shamanism (from ancient times to the 18th century.]. Novosibirsk, 1980. 320 p.
5. Osipov A. I. *Prostranstvo i vremya kak kategorii mirovozzreniya i regulatory prakticheskoi deyatel'nosti* [Space and Time as Categories of Philosophy and Practice Regulators]. Minsk, 1989. 220 p.
6. Petri B. E. *Vselennaya sibirskogo shamana. Istoriya. Legendy. Obryady* [The Universe of Siberian Shaman. History. Legends. Rites]. Irkutsk, 2014. 328 p.
7. Erdyneev A. Odnazhdy v Buryatii [Once in Upon a Time in Buryatia]. *Tayozhna-ya, ozyornaya, stepnaya. Proizvedeniya buryatskikh uchyonnykh i pisatelei — Land of the taiga, the lakes, and prairies. The Works of Buryat Scientists and Writers*. In 15 v. V. 10. Ulan-Ude, 2012. Pp. 523–616.
8. Jung K. G. *Dusha i mif. Shest' arhetipov* [Soul and Myth. Six Archetypes]. Kiev, 1997. 384 p.